

С. Н. ГЛИНКА

Первое свидание с Державиным

Первое мое свидание с нашим поэтом было в доме Льва Александровича Нарышкина. И вот по какому случаю.

Помещено было в «Русском вестнике»¹ и перепечатано в Журнале для учебных заведений² известие о том, что в проезд свой из Белорусского края Екатерина осчастливила посещением своим сельский приют моих отцов, где 1781 года июня 4 собственноручно записала меня в Кадетский корпус. По выходе из колыбели моего воспитания, 1795 года, я сочинил «Песнь Великой Екатерине»³, напечатал ее в корпусной типографии и, явясь ко Льву Александровичу Нарышкину, милостивцу моих родителей, просил его поднести сочинение мое императрице. Он приказал мне прийти к нему на другой день поутру и с чиновником своим, майором Петровым, отправил меня к князю Платону Александровичу Зубову с тем, чтобы представить меня князю и просить о вручении сочинения моего государыне. В первый еще раз довелось мне быть в почетной приемной. По приходе нашем стечение различных лиц и в мундирах, и в лентах, и во фраках сделалось многочисленное. В моем офицерском мундире я прижался в левый угол залы и заслонил шляпою мою оду, чтоб не видно было атласного переплета. Я не робел, но для меня все было ново. Без всякой цели глаза мои разбегались по разным сторонам,

и вдруг в правом углу залы увидел я Михаила Илларионовича Кутузова, который с таким же смирением, как и я, стоял неподвижно на своем месте. Тут от князя вышел камердинер с подносом и чашкою шоколада. Тихим мерным шагом Михаил Илларионович подошел к камердинеру. Любопытство толкнуло меня вперед. Я услышал вопрос Кутузова у камердинера: «Скоро ли выйдет князь?» Вопрос высказан был по-французски и на том же языке последовал ответ камердинера: «Часа через два». Тем же скромным шагом Кутузов пошел назад и притаился в своем уголке. Закипело у меня юношеское сердце. Быстро подошел я к проводнику моему майору Петрову и отрывисто сказал: «Нет! я не стану дожидаться. Вот посмотрите: там в уголку дожидается герой Измаила, герой, венчавший русских победою под Мачиным и бывший мой начальник в корпусе!» «Не говорите так громко», — сказал мне мой ментор. «У меня такой голос, — отвечал я, — прощайте!» «Да что же я скажу Льву Александровичу?» — спросил он. «Скажите, что Вы хотите», — возразил я и убежал из залы.

В тот же день ввечеру пошел я ко Льву Александровичу и едва мелькнул в гостиной, где он сидел на софе с гостем (то был Державин), он захохотал от всего сердца и сказал: «Что ты накуролесил, шалун? Я послал тебя к князю с твоею одою, а ты, как Вольтеров Гурон, опрометью выбежал из залы». Тут пересказал он своему гостю все то, что передал майор Петров. «Однако, — прибавил Лев Александрович, — ода его изрядная, особливо последняя строфа». И он, к удивлению моему, прочитал ее наизусть:

Прими простое песнопенье:
Тебя не смел я превознестъ;
Зри в нем единое усердьё —
В нем сердце говорит, не лестъ.

С. Н. Глинка

Ты отроком меня прияла,
Ты разум мой образовала,
Ты в сердце чувства влила;
Благотворительной рукою
Ты правила моею душою,
Ты жизнь мне новую дала.

Поэт наш взял меня за руку, поцеловал и сказал: «Сохраняйте всегда это чувство к государыне». Краснея и заикаясь, я отвечал: «Если б императрица не была моею благодетельницею, то Ваши бессмертные творения научили бы меня ее любить». Тут я приосанился и по порыву неугомонной моей памяти, как будто заданный урок, отмахнул наизусть оду «Фелице». У Державина глаза блистали, румянец играл на щеках; наконец, и слезы сверкнули на ресницах. А когда я досказал оду, он снова поцеловал меня. В восторге душевном я не слышал под собою земли. А Лев Александрович примолвил: «Право, он обстреляется в свете. Присмотришься, понаучишься, как, где что водится».

Не далась мне светская наука, хотя и довольно понасмотрелся в свете. Ошибся Лев Александрович. Я все как будто новичок в свете. А что теперь в нем делается? не знаю. Но и при давнишнем моем уединении, зная, что приятно слышать о добре, желать всем добра, часто повторяю Корнелев стих:

Dans le Bonheur d'autrui, je cherche mon Bonheur⁴.
Я в счастья других зрю счастье свое.

Из «Записок»

Домашние наши варенья, коврижки, сыры и живность появлялись при дворе Екатерины и на столах наших петербургских милостивцев и знакомых. Однажды родители мои полу-

Первое свидание с Державиным

чили следующее письмо от Л. А. Нарышкина: «Все присланные вами коврижки разошлись на домашнем потчеванье, а потому, чтобы быть позапасливее, прошу вас заготовить мне тысячу коврижек с моим гербом, которого и прилагаю рисунок. Из этой тысячи уделю только двадцать Г. Р. Державину за его хорошие стихи. Он большой лакомка, а вас отблагодарит своей поэзией». Этот гостинец был тотчас отправлен. В нашей кладовой кадки с липцем и медом были безвыходно¹. Раздолье было тогда это житье сельское! Казалось, что и сама природа спешила отдарить за то, что с нею жили и ближе, и дружнее.

Державин не остался в долгу: из стихов его помню четыре последние:

Дележ у нас святое дело,
Делимся всем, что Бог послал;
Мне ж кстати лакомство поспело:
Тогда Фелицу я писал.

<...>

Между тем я отправился к Державину с трагедией моей «Михаил, князь Черниговский»², бывшей еще в рукописи. У него тоже было многочисленное собрание, и я в кругу его читал мою трагедию. Она произвела действие, потому что содержание ее применяли к тогдашним обстоятельствам. В трагедии моей Михаил, князь Черниговский, говоря о первом нашествии на землю русскую монголов, или татар, восклицает:

Мы не смиряемся, мы Бога забывали,
За тяжкой прах земной мы небо продавали.
И с грозным воинством к нам налетел Батый.

При этих словах все слушатели воскликнули имя нового завоевателя нашего века.

Возвратясь домой, нахожу следующую записку от Дмитрия Прокофьевича Трощинского, тогдашнего министра юстиции: «Общий наш приятель, Василий Назарович Каразин, пришел ко мне от Державина в восторге от вашего „Михаила“; он говорит, что это живая история, которая по Европе ходит и движется; грех вам будет, если обойдете меня: в 1781 году, когда я служил при смоленском генерал-губернаторе князе Репнине, мне первому удалось поздравить батюшку вашего с посещением, которым удостоила его императрица».

<...>

Внешний натиск на «Русский вестник» был и скоро прошел. Началась внутренняя на него пальба. Чудное дело! Первый был выстрел из «Цветника»³, издаваемого баснописцем Измайловым. Державин препроводил в «Русский вестник», чрез Ивана Ивановича Дмитриева, стихи к Купидону⁴. Я отозвался, что баснословного не помещаю в «Русском вестнике». В гневном порыве наш лирик напал на меня эпиграммой, которую поставил меня в ряды бессловесных (смягчаю выражение) и говорил, что я не знаком с нежными сердцами. Но где гнев, там и милость; и это сбылось почти вслед за сердитым налетом. Гаврила Романович сообщил в мое издание драматический отрывок, под заглавием «Праздник у Добрады»⁵, посвященный императрице Марии Федоровне; с того времени у поэта с «Русским вестником» существовал мир нерушимый.

Эпиграмма Державина была в «Цветнике», издаваемом баснописцем Измайловым.